

«Ошибка» доктора Фауста

Размышления над великой книгой Гёте

Е. Г. ГУРЕНКО,

**ректор Новосибирской государственной консерватории,
доктор философских наук, профессор, академик АН ВШ,
заслуженный деятель искусств РФ**

Я часто задумываюсь над тем, что подлинные шедевры искусства наделены удивительным даром обнаруживать все новые и новые глубины, поворачиваться неизвестными прежде гранями, чтобы каждая эпоха, каждый читатель, слушатель и зритель находили в них нечто свое. Признаюсь, что в последние годы мое воображение занимала легенда о Докторе Фаусте, которая каким-то странным образом постепенно укоренилась в подсознании. Сначала я ощущал смутную потребность заново перечитать Гете. Потом спустя какое-то время обращался к нему еще и еще раз. А ныне «Фауст» Гете – моя настольная книга.

Сам с собой не в ладу

Из глубины веков до нас дошли многочисленные демонологические мотивы, повествующие о роковом обращении человека к запретным средствам черной магии, к колдовству. На этой почве вырастает тема Фауста, тема связи человека с духом зла, в результате которой вероотступник рискует утратить свою душу.

Сегодня лишь немногие сомневаются в том, что Фауст – подлинная историческая личность. Его жизнь носила отпечаток величайших прогрессивных преобразований, когда противостояние устремленного к эмансипации человеческого разума и средневековой церковной схоластики достигло своего апогея. Фауст предстает передо мной как «бур-

© ЭКО 2003 г.

ный гений», мятежная фигура, олицетворение открытого протеста против сложившегося общественного уклада, его духовных основ и предрассудков аскетической морали.

Притча о докторе Фаусте – волшебнике и чернокнижнике, который не был удовлетворен современной ему наукой, не являлся правоверным христианином и не побоялся связаться с самим чертом, произвела сильное впечатление на народное воображение. Устные предания о нем обрастали легендами, бережно собирались неизвестными авторами и наконец были опубликованы книгоиздателем Иоганном Шписом в виде Народной книги.

«Фауст» Гете справедливо называют «посланием человечеству», «земным Евангелием», «светской Библией», «книгой на все времена». Его считают «величайшим созданием поэтического духа», ставят в один ряд с бессмертными произведениями Гомера, Данте, Сервантеса и Шекспира. Грандиозный замысел, охватывающий беспрецедентные богатства жизненного материала, побудил Гете обратиться к поэтической фантазии особого рода, нащупывать подступы к уникальному художественному универсализму. Недаром Фауста считают «представителем всего человечества», гордым титаном, «желающим обладать вселенной».

С дозволенной лишь поэтическому гению свободой Гете изображает жизнь то натурально, то аллегорически, то погружает своего героя в «микромир» доступных каждому человеку представлений и переживаний, то поднимает его в заоблачные выси, в «макромир» обобщенно-символических смыслов и сверхчеловеческих страстей.

«Ты верен весь одной струне и не задет другим недугом, но две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом». В этом отрывке содержится одна из важнейших самохарактеристик героя. Фауст высказывает эту мысль Вагнеру – плоскому и бездарному рационалисту.

Внутреннему же миру Фауста свойственна раздвоенность и противоречивость. Он сам так характеризует две стороны своей натуры: «Одна, как страсть любви, пылка и жадно льнет к земле всецело, другая вся за облака так и рванулась бы из тела».

Одна душа устремлена к наличному бытию, к тому, что есть, что окружает героя, другая – к чему-то иному, к тому, чего здесь нет, к неведомому, в будущее. Одна желает раствориться в достигнутом, хочет продлить на век счастливое мгновение, другая олицетворяет погоню за временем, непрекращающийся переход от одного состояния к другому.

Огонь сомнения

Вместе с тем духовный мир Фауста исполнен глубокой неудовлетворенности всем существующим. В Народной книге он прорицатель, познавший связь между расположением небесных светил и судьбами людей. Он тайный экспериментатор, занятый поисками чудодейственных средств для превращения неблагородных металлов в золото и серебро. Он может вызывать души умерших, гадать о будущем по линии рук, находить клады, изготавливать приворотные зелья.

Фауст Гете также не удовлетворен знаниями о жизни, как и его легендарный прообраз. Его первый монолог – это мрачные размышления о неспособности науки раскрыть «вселенной внутреннюю связь», постичь «все сущее в основе». Фауст обращается к тайным силам магии, вызывает духа земли. Дух отвергает Фауста и отказывает ему в помощи: Фауст слишком дерзок в стремлении сравняться с ним.

Второй монолог героя является выражением еще большего отчаяния и свидетельствует о неудовлетворенности жизнью вообще. Фауст подносит к губам чашу с ядом, и только донесшиеся до его слуха удары колокола и ангельское пение («Христос воскрес!») останавливают его руку. Он покидает тесную келью, устремляется за город к толпам гуляющих (сцена «У ворот»), но не может обрести себя и там и вступает в сделку с дьяволом.

Отныне уже сам Сатана готовит ему испытание за испытанием. Ему надо выяснить, не удовлетворится ли Фауст безудержным разгулом и пьянством («Погребок Ауэрбаха» в Лейпциге), грубой чувственностью и плотскими наслаждениями («Вальпургиева ночь»), возвышенной страстной любовью Гретхен («Улица. Вечер. На прогулке» и др.), достижениями идеалов античной красоты («Внутренний двор

Замка»). Ведь только в этом случае он получает Фаустову душу. Но ни одно из пережитых мгновений Фауст не готов продлить на век.

Не менее кричащее противоречие таится в гранях духовного мира героя. Одна из них – праведная, позитивная, положительная. Другая – греховная, негативная, отрицательная. Фауст стремится к познанию смысла человеческой жизни, с редким упорством преодолевает встающие на его пути преграды, проявляет мужество и стойкость в самых сложных жизненных ситуациях.

Причем никогда не теряет присутствия духа. Он тяготеет к пьяной удалю распоясавшихся завсегдатаев винного погребка, преодолевает искушение всех видов сладострастия на шабаше ведьм при появлении одинокой тени несчастной Гретхен, отказывается от тысячи противоречащих его совести и неприемлемых для него дьявольских соблазнов.

Фауст и Мефистофель

Одновременно с этим он сам избрал Мефистофеля спутником и партнером. И не только готов добровольно следовать за ним, но и подсказывает чёрту, как с помощью ларчика с драгоценностями сблизиться с доверчивой девушкой. Фауст в конце концов погубил ее, хотя и невольно, не осознавая в полной мере, что не в состоянии всего себя отдать любви. Он убил вступившего за честь сестры Валентина и сделал это не в честном бою, а с помощью колдовства Мефистофеля. Черт – он же черный пес, он же странствующий студент, а также злой дух, королевский шут, скряга, сварливая старуха, искатель кладов, смотритель строительных работ – двойник героя. Он есть не что иное, как второе «я» самого Фауста.

Согласно библейской легенде, Бог создал человека по своему образу и подобию. Человек был приближен к Господу, но, вкусив плодов от древа познания Добра и Зла, был изгнан из Рая.

Дьявол поначалу также входил в состав Небесного воинства (Люцифер – даритель света, ангел утренней звезды), но восстал против Бога и был низвергнут с небес.

У дьявола было множество имен: Люцифер, Веельзевул, Уриан, Сатана, Чёрт. Мефистофель – одно из них. Оно содер­жит в своей основе древнееврейские слова. Первое – «мефиз», что значит «разрушитель», второе – «тофель», то есть «обманщик» или «лжец». Латинизированная форма имени героя трагедии происходит, очевидно, от «фаустус», что значит «удачливый», «счастливый».

Однако Фауст, как и Мефистофель, – известный наду­вала, задира и соблазнитель. Он и сам характеризует себя не лучше: «Скиталец, выродок унылый, я сею горе и раз­лад, как с разрушительной силой летящий в пропасть водо­пад». Фауста и Мефистофеля объединяет и то, что они – существа в высшей степени целеустремленные. Правда, Фауст стремится познать смысл человеческой жизни, а Ме­фистофель – захватить его душу.

Фауст соткан из противоречий. И Мефистофель – «па­радокс сплошной», ибо он: «Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла». Вы спросите, как можно всему желать зла и тем самым творить добро? Мефисто­фель – это отрицание. А отрицание – необходимое условие продвижения вперед. Любое явление в природе, обществе или процессе познания в своем развитии достигает собст­венного отрицания, то есть становится качественно иным. Детство отрицается юностью, зрелость – старостью, смерть – рождением. Эта цепь отрицаний не имеет ни начала, ни кон­ца. Конечно, Мефистофель и его адские фурии имеют сата­нинский ореол, олицетворяют собой греховное, дионисий­ское начало. Вместе с тем Черт – подручное средство у Бога. Ведь именно Бог(!) разрешает Мефистофелю подвер­гнуть Фауста различным испытаниям (!!), низвести его в бездну: «Из лени человек впадает в спячку. Ступай, расше­вели его застой, вертись пред ним, томи и беспокой, и раз­дражай своей горячкой». Может быть поэтому, оставшись в одиночестве и завершая «Пролог на Небе», Мефистофель говорит о Господе: «Как речь его спокойна и мягка! Мы ла­дим, отношений с ним не портя. Прекрасная черта у стари­ка так человечно думать и о Черте».

Маргарита

Важнейшая сюжетная линия книги открывается появлением на ее страницах Маргариты. Трогательная, набожная, жившая одними чувствами девушка вносит в поэтический строй трагедии особый женский колорит. Подкупающая искренность и чистота душевного строя Гретхен раскрываются в полной смятения и чувств ее песенке «Что случилось со мною?», которую многие знатоки расценивают как одно из лучших лирических творений не только в наследии Гете, но и в немецкой поэзии вообще.

Величайшим образцом воплощения трагического в искусстве по праву считается заключительный эпизод первой части книги – сцена в тюрьме, рисующая встречу Фауста с обезумевшей Маргаритой. Народная книга и другие версии легенды о Фаусте, существовавшие до выхода в свет сочинений Гете, не содержали трагической истории любви и гибели Гретхен. В этой сюжетной линии отразились впечатления поэта, знавшего о печальной участи некой Сюзанны Маргреты Брандт – не вымышленной, но реально существовавшей франкфуртской девицы, которая решилась на убийство своего ребенка в стремлении избежать неминуемого позора.

На долю героини трагедии выпали еще более страшные испытания. Ее страдания столь же безмерны, сколь безгранична снизошедшая на нее любовь. Невероятные дьявольские обстоятельства превратили ее в преступницу. Гретхен не только утопила собственного ребенка, но считала себя повинной в смерти матери и причастной к гибели собственного брата. Она была отвергнута и проклята людьми, нищенствовала, временами теряла рассудок, и все же отказалась покинуть тюрьму с любимым и искупила свою вину на плахе.

История грехопадения и нравственного оправдания Маргариты, словно отблеск былого, дает о себе знать во второй части трагедии. Гретхен прощает Фауста. Любовь и милосердие очищают женщину. Нити любви, милосердия и раскаянья соединяют Гретхен с Еленой Прекрасной, и далее – через Великую грешницу, Жену Самарянскую и Марию Египетскую, души которых спасены и обитают на небесах,

устремляется к Богоматери, – дарительнице жизни, символу святости, заступничества и чистоты. Так исподволь и постепенно в трагедии зарождается и крепнет таинственный феномен вечно женственного начала, обретающий, наконец, свое понятийное выражение в тексте мистического хора, которым завершается все произведение.

Фауст и Бог

Средневековая церковь утверждала, что вероотступничество – очень опасная вещь. Согласимся: действительно опасная. Для самих вероотступников.

Известно, что католичество начало последовательную борьбу с еретиками со второй половины XIII века. Скорбный счет злодеяний инквизиции открыла женщина, обвиненная в распутстве с дьяволом. Она была сожжена на костре. Эта же участь постигла Джордано Бруно, Джироламо Савонаролу, Яна Гуса, Этьена Доле. К опасным искателям запретной мудрости суеверная молва относила прославленных мыслителей: Пьера Абеляра во Франции, Раймунда Луллия в Каталонии, Пьетро д'Абано в Италии, Альберта Великого в Германии.

Суровая расплата ожидала тех, кто посмел переступить запретную черту религиозной аскетической морали. Епитимьи «за прелюбодеяние» подвергались женщины, родившие вне брака. Их водили по улицам средневековых городов, облачив в жалкое рубище. Этот варварский обычай, кстати сказать, сохранился в Веймаре вплоть до конца XVIII века и был отменен лишь после вмешательства Гете.

Не щадила людская молва сомневающихся и безбожников. С опасными обвинениями в атеизме приходилось сталкиваться многим, в том числе и Кристоферу Марло – великому поэту и драматургу эпохи Шекспира, автору знаменитой трагедии о докторе Фаусте. Вот почему философское вольномыслие лишь иногда проявлялось открыто, но чаще прибегало к помощи неких «театральных атрибутов», скрываясь под маской официального конформизма.

Был ли верующим Фауст? Этот вопрос недаром терзал его возлюбленную.

«Маргарита

Ты в Бога веришь ли?

Фауст

О милая, не трогай
Таких вопросов. Кто из нас дерзнет
Ответить не смутясь: «Я верю в Бога»?
А отповедь схоласта и попа
На этот счет так искренне глупа,
Что кажется насмешкою убогой».

Маргарита

Так ты не веришь, значит?

Фауст

Не коверкай
речей моих, о свет моих очей!
Кто, на поверку, разум чей
Сказать осмелится: “Я верю”?
Чье существо
Высокомерно скажет: “Я не верю”?
В Него,
Создателя всего,
Опоры
Всего: меня, тебя, простора
И самого Себя?
Или над нами неба нет,
Или земли нет под ногами
И звезд мерцающее пламя
На нас не льет свой кроткий свет?
Глаза в глаза тебе сейчас
Не я ль гляжу проникновенно,
И не присутствие ль вселенной
Незримо явно возле нас?
Так вот, воспрянь в ее соседстве,
Почувствуй на ее свету
Существованья полноту

И это назови потом
Любовью, счастьем, божеством.
Нет подходящих соответствий,
И нет достаточных имен,
Все дело в чувстве, а названиее
Лишь дым, в котором блеск сиянья
Без надобности затемнен».

Ответ Фауста Маргарите выдержан в пантеистическом духе. В средние века, в противовес христианству, с определяющим для него пониманием Бога как личности, пантеизм придерживался представления о безличном мировом духе, скрытом в самой природе. Это учение было, несомненно, оппозиционным по отношению к господствовавшим теистическим взглядам. Вместе с тем, нет никаких оснований объявлять пантеизм целиком нерелигиозным мировоззрением. В его рамках постепенно складывались два направления: одно, растворявшее природу в Боге, было теистическим, другое, растворявшее Бога в природе, – соприкасалось с атеизмом.

Приведенный выше отрывок не дает возможности однозначно заключить, каково мировоззрение Фауста – религиозное или нет. Можно лишь подтвердить, что оно далеко выходило за рамки традиционного символа христианской веры. Из текста трагедии вытекает, что фаустово кредо со временем менялось. Он верил и в магические чудеса, и в мистические представления о населенном духами мире природы, и в возможность пережить счастливое мгновение, которое каждый раз ускользало от него, как мираж, воплощаясь поочередно то в мечту о вечной любви к Маргарите, то в стремление достигнуть идеала красоты, то в утопическое представление о совместном труде людей для их общего блага.

Вот почему на вопрос о том, был ли Фауст верующим человеком, я бы ответил так: верящим – да, если под верой понимать внутреннюю духовную опору человека, без которой он не может существовать, если под ней понимать непреклонную убежденность в правоте того дела, которому посвящаешь свою жизнь. Такая вера становится источни-

ком подлинной моральной стойкости и питает безостановочное продвижение вперед ради благородной цели.

Жизнь не подвесишь на «шнурочки» идей

«Фауст» для Гете был главным делом всей его жизни. Этот гигантский труд создавался поэтом в течение долгих 58 лет и появлялся в печати частями. Заключительные разделы трагедии были опубликованы только после смерти автора.

Не перестаю удивляться пронизательности Гете. Вот, на мой взгляд, одна из самых замечательных сцен трагедии:

«Канцлер

Лишь выглянь из дворцового окна,
Тяжелым сном представится страна.
Все, что ты сможешь в ней окинуть оком,
Находится в падении глубоком,
Предавшись беззаконьям и порокам.
Тот скот угнал, тот спит с чужой женой,
Из церкви утварь тащат святотатцы,
Преступники возмездья не боятся
И даже хвастают своей виной.
В суде стоят истцы, дрожа.
Судья сидит на возвышеньях,
А рядом волны мятежа
Растут и сеют разрушенья.
Но там, где все горды развратом,
Понятия перемешав,
Там правый будет виноватым,
А виноватый будет прав.
Не стало ничего святого.
Все разбрелись и тянут врозь.
Расшатываются основы,
Которыми все создалось.
И честный человек слабеет,
Так все кругом развращено.
Когда судья карать не смеет,
С преступником он заодно <...>

Начальник военных сил

Не стало мирного приюта,
Везде усобицы и смуты,
Нужна жестокая борьба,
А власть верховная слаба.
Мещане в городской оgrade
И рыцарь в крепости средь гор
Отсидживают в засаде,
Оказывая нам отпор.
Нетерпелив солдат наемный
И требует оплаты в срок.
Не будь за нами долг огромный,
Все б разбежались наутек <...>

Казначей

Пришел конец союзным взносам.
И денег никаким насосом
Теперь в казну не накачать.
Иссяк приток подушных сборов,
У нас что город, то и норов,
И своевольничает знать.
Теперь в любом владенье князем
Хозяйничает новый род.
Властителям мы рук не свяжем,
Другим раздавши столько льгот.
Из партий, как бы их ни звали,
Опоры мы не создадим.
Нам так же чужды их печали,
Как мы и наши нужды им.
Кому теперь какое дело,
Ты гвельф или ты гибеллин?
Своя рубашка ближе к телу,
Все за себя, всяк господин.
У всех желанье стать богаче,
На всех дверях замок висячий,
Но пусто в нашем сундуке.

Смотритель дворца

И я в таком же тупике.

Пусть экономией мы бредим,
Мы прямо к разоренью едем <...>»

Это о каком времени и о какой стране, дорогой читатель? О средневековье и Римско-Германском государстве, не так ли?

Впрочем, религия, философия и искусство служили необходимой внутренней опорой человеку во все времена, в том числе и в такие, когда духовный надлом, всеобщий хаос и мешанина близки к безумию.

Фауст

«Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос».

Стремление нашего героя преодолеть ученое затворничество, постичь тайны бытия в реальной жизнедеятельности с помощью личного опыта и собственных переживаний вполне объяснимо. Жизнь ставит нелегкие вопросы: что человек может знать? на что он может надеяться? что он должен делать? в чем смысл и предназначение его существования? Получить ответ на эти вопросы с помощью одного лишь научно-теоретического знания едва ли возможно. Понятна и неудовлетворенность Фауста абстракциями «книжной» науки:

«Пергаменты не утоляют жажды.

Ключ мудрости не на страницах книг».

Напомним, что наши древнейшие предки были носителями так называемого предконцептуального знания, к области которого мы относим мифологию, магию, начальные формы религии, предфилософские рассуждения, утилитарно-практические сведения и художественно-образное миропонимание, присущее искусству. К концептуальному знанию обычно относят философию античности, накопление сведений в таких областях, как математика, физика, астрономия, а в эпоху средневековья – так называемый герметизм (алхимию, каббалистику, астрологию) и различные виды религиозных учений (теологию, теософию, богословие). Вот почему распространение науки, то есть теоретической формы знания, относится только к XV–XVII векам, к эпохе Ренессанса. К этому времени знание приобрело чет-

кую деструктивную организацию и включило в себя, наряду с эмпирическим, уровень собственно теоретический. К началу XVIII века произошло и оформление науки в качестве социального института, что сопровождалось появлением первых научных обществ, академий, периодических научных изданий и т. п.

Приходилось ли вам сталкиваться с проявлениями «наивного сциентизма», абсолютизацией роли науки, стремлением «онаучить» все и вся, каждую сферу общественной жизни, любую форму выражения человеческого духа? Думаю, что – да, ибо в понятие «научный» многие из нас до сих пор автоматически вкладывают положительный, а в понятие «ненаучный» – отрицательный смысл.

Но знаем мы это или не знаем, признаем это или не признаем, – у науки есть границы, и это дало повод Гадамеру, одному из ведущих представителей философской герменевтики XX века, бросить крылатую фразу: «Мы живем в такое время, когда до суеверия верят в науку». Гадамер совершенно справедливо имел в виду, что наука есть лишь особый, но далеко не единственный тип знания.

Как и во времена Гете остается только гадать, когда же, наконец, этот непреложный факт будет усвоен общественным сознанием?

Некто Гертруда Стайн спросила Пикассо, только что завершившего создание на холсте ее живописного образа: «Вы находите, что этот портрет похож на меня?» Ответ был: «Нет, я этого не нахожу. Но, быть может, когда-нибудь вы будете похожи на этот портрет».

Современники поэта не сразу получили возможность охватить это грандиозное произведение целиком. Многим в то время казалось, что главной темой в поэме станет осуждение Фауста – слишком сильным было влияние «Народной книги» и других, близких к ней концептуально, многочисленных литературных и театральных версий легендарного сюжета. Вот почему еще при жизни Гете известную строчку из «Театрального вступления», живописующую «движение от небесной выси к земной жизни, и от нее – в бездонную пропасть ада», пытались истолковать как прямое выражение главной мысли трагедии.

Позднее стало очевидно, что основное место в этом произведении принадлежит теме искупления. Тем более, что в одном из обращений Гете к Эккерману, поэт, отталкиваясь от содержания известного хора ангелов, уносящих душу Фауста на небо, упоминает о ключе к его спасению. С одной стороны, это непрекращающаяся до конца жизни деятельность героя, постепенно возвышающая и очищающая его. С другой, – приходящая к нему в качестве помощи свыше вечная любовь.

Освещение сюжета трагедии под этим углом зрения породило попытки определить его идею в традиционном для христианства этическом контексте: Бог всемогущ и милостив, он сам предопределил мрак и свет как два противоположных начала жизни и не допустит, чтобы душа ищущего человека, временно поддавшегося дьявольскому искушению, стала в конечном итоге добычей Сатаны.

Мысли же самого Гете на этот счет столь примечательны, что должны быть приведены целиком: «Какую идею я хотел воплотить в “Фаусте”? – писал Гете. – Как будто я сам это знаю и могу это выразить! “С Неба через Мир в Преисподню”, – вот что я мог бы сказать на худой конец, но это не идея, это процесс и действие. Далее, если Чёрт проигрывает партию и если среди тяжелых заблуждений, непрерывно стремящийся ввысь к добру человек достигает спасения, то в этом, правда, есть и очень действенная, много объясняющая, хорошая мысль – но это не идея, лежащая в основе целого и пронизывающая каждую его отдельную сцену. В самом деле, хорошая это была бы шутка, если бы я пытался такую богатую, пеструю и в высшей степени разнообразную жизнь, которую я вложил в моего «Фауста», нанизать на тощий шнурочек одной единой для всего произведения идеи!»

Попытки нанизать произведение Гете на «тощий шнурочек» единой для всего произведения идеи, однако, не прекращались. Новой и широко распространившейся у нас в свое время трактовкой стало деяние на благо общества как высший смысл и венец существования человека на земле.

Гений злого действия

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог» – так перевел первые строки Евангелия от Иоанна Мартин Лютер в XVI веке. Этот перевод стал каноническим. Однако еще Гердер в комментариях к Евангелию отмечал, что «логос» в изначальном греческом тексте – явление весьма многозначное по смыслу и может переводиться не только как «слово», но и как «мысль», «воля», «действие», «любовь». Фауст отвергает канонический перевод, а свой – «В начале было Дело» – превращает в девиз всей дальнейшей жизни. «О деятельный гений бытия, прообраз мой!» – так он обращается к духу земли.

А вот как деятельную сущность нашего героя характеризует Мефистофель: «Он рвется в бой и любит брать преграды, и видит цель, манящую вдали <...> и век ему с душой не будет сладу, к чему бы поиски не привели».

Фаусту было суждено познать достижения естественных и оккультных наук, постигнуть догматы христианской веры, самые дерзкие проявления язычества и богохульства, изведать всевозможные виды наслаждений, все мыслимые и немыслимые пороки, пережить безумства любви, ненависть и предательство, возвыситься до идеала красоты и стать обладателем Елены Прекрасной, пройти испытание властью, богатством и славой, преодолеть пределы пространства и времени, побывать в разных эпохах и самых экзотических странах, проникнуть в глубины земли, где рождаются первообразы всех вещей. Он стал носителем совокупного опыта человечества. Его жизненный путь подошел к концу.

Получив в награду от Императора затопленный морем берег, Фауст целиком поглощен благородной целью его переустройства. Он стремится отвоевать часть суши у моря, строит плотину, роет траншею и отводит воду. На отмели возводит дворец, на месте болота начинает выращивать сад. Ему уже сто лет, а прекрасное мгновение, которое захотелось бы продлить на век, еще не наступило. Куда же теперь, старик?

Настоящим бельмом в глазу стали Фаусту расположенные на песчаном холме липовая роща с часовней да жалкая лачуга Филемона и Бавкиды, огонь в окнах которой служил

маяком и не раз спасал от гибели заблудших странников. Фауст томится и безумствует, зарится на клочок земли, который ему не принадлежит, раздражен отказом Филемона и Бавкиды переселиться в низину, в более просторное и удобное жилище. Куда там! Старичье не знает своего счастья.

Да и Фаусту неведомо, что «густолистый сад» взращен на отмели не старательной артелью, а самим Сатаной. Крепкий мол воздвигнут на берегу не землекопами, а каким-то странным пламенем по ночам. Он не знает, что его сподвижники, без усталости доставляющие мешками и ящиками всевозможное добро, – не честные морские торговцы, а пираты, занятые жестоким грабежом.

Бавкида о Фаусте: «Бедной братии батрацкой сколько погубил канал! Злой он, твой строитель адский, и какую силу взял! Стали нужны до зарезу дом ему и наша высь. Он без сердца, из железа, скажет – и хоть в гроб ложись».

Не дождавшись добровольного ухода Филемона и Бавкиды, Фауст приказывает Мефистофелю переселить их насильно. Мефистофель же освобождает песчаный холм по своему: лачугу неожиданно охватывает огонь, в котором гибнут и Филемон, и Бавкида, и странник, остановившийся у них на ночлег. «Так ощути ту власть краями век! Плачу тебе проклятьем за презренье. Живет слепорожденным человек, а ты пред смертью потеряешь зренье», – говорит Фаусту Забота, еще один аллегорический персонаж.

Мы подошли к трагической развязке. Фауст произносит свой знаменитый предсмертный монолог. Он наконец открыл смысл человеческой жизни. Он по-прежнему полон страсти, воля его не сломлена. И все же Фауст говорит не просто как ослепленный, он говорит как слепец. В выстраданной мудрости истины не больше, чем в масштабных созидательных действиях – постройки канала, возведения вала, крепления насыпи – в рытье обыкновенной могилы.

Это наводит на мысль.

Правота – несчастье «слепых»

Сегодня мы тоже обращаемся к свободному человеку. Именно к человеку, а не к искусственно выращенному прин-

ципиально новому гармонично развитому мифическому го-мункулу, приспособленному к существованию в условиях бесклассового общества на основе лишения его собственности и преодоления разделения труда. Обращаемся к нашему современнику, его реальному облику, потенциалу, потребностям. К тому самому человеку, который расправляет плечи, обретает утраченное достоинство и проникается надеждой.

Сегодня не менее остро стоит вопрос о предназначении человека, о его долге и ответственности. Соизмеримы ли его устремления и помыслы с уходящими ввысь критериями цивилизованности и гуманизма? Что надо сделать, чтобы новое поколение людей, наши дети, внуки и правнуки были духовно богаче и счастливее нас? Способны ли мы вообще породить дальновидную стратегию общественного развития, определить не утопический, но прочно выросший на земле механизм ее осуществления, изыскать необходимые для этого реальные возможности и резервы?

Фауст предан идее свободного труда. Споры нет, это великая идея, но все же...

Когда нам говорят, что теория деятельностного изменения человеком окружающего мира, а через преобразование мира изменение и самого себя – важное методологическое основание трактовки процессов социальной жизни, мы соглашаемся (конечно же, да!), но при этом спросим себя: «Единственное ли основание? Достаточное ли?». Ведь недаром все большую известность приобретают исследования, разрабатывающие комплекс проблем человека и отвергающие взгляд на него исключительно как на «сгусток социума».

Общество не в состоянии играть роль абсолютного деспота в формировании человека, поскольку его императивы, под воздействием которых личность находится независимо от собственного желания, приходят в столкновение с императивами генов, которые человек также не выбирает по своей прихоти. Почему же мы продолжаем упорно утверждать, что человеческий мир – это мир его деятельности, которая к тому же есть не что иное, как общественный способ бытия человека? Пристало ли нам забывать уроки истории

культуры, которые учат, что деятельность как таковая не является исчерпывающим основанием человеческого существования. Если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели нередко лежит вне деятельности, в сфере человеческих ценностей и идеалов.

И разве зависимость самой деятельности от других факторов не выражается в том, что в разных типах культуры она занимает неодинаковое место, выступая то в роли высшего смысла человеческого бытия, то на правах далеко не почитаемого условия жизни? Возьмите буддийскую культуру во всей совокупности ее синкретических культурных комплексов (архитектуру, скульптуру, живопись, литературу, буддийскую образованность и т. п.). Ведь идеал буддизма предстает как абсолютное непричинение вреда окружающему, проистекающее из чувства совершенной удовлетворенности. В интеллектуальной сфере в соответствии с этим идеалом устанавливается практика созерцательного размышления (медитации), результатом которого оказывается переживание целокупности всего бытия, полная самоуглубленность. Состояние же совершенной удовлетворенности, самоуглубления, преодоления желаний и абсолютная независимость внутреннего бытия мыслится в буддийской культуре как подлинное освобождение (или нирвана).

Но нам это, конечно, не подходит.

Какая там медитация? Какая там нирвана? Нам всегда абсолютно не доставало одного лишь объяснения мира. Нам было мало самоуглубленности и размышления. Мы не можем, мы не умеем просто жить, взращенные в тревожную пору обожествления революционной практики, мы непременно должны все переделать, и по возможности до основания. Вот и сейчас мы повторяем вслед за Фаустом: «Лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил». И когда, взнузданные бесами, мы снова ринемся «на бой кровавый, святой и правый», может быть, хотя бы тогда мы зададим себе вопрос: «А зачем?». Действительно ли впереди нас ожидает свобода? И разве свободный человек не может быть несчастным? Не является ли в таком случае

счастье каждого человека тайным смыслом всего общественного существования?

Может быть, и впрямь ответы на эти вопросы нам суждено постигнуть не ранее, чем наступит у нас новая жизнь. Не та, которую еще сравнительно недавно сулили нам новоявленные пророки, а другая, достойная простого нормального человека.

«Кто ищет, вынужден блуждать...» (Господь).

Рассказывают, что немецкий математик Давид Гильберт как-то заметил, что каждый человек имеет некоторый горизонт взглядов, и когда этот горизонт сужается и превращается в точку, человек говорит: «Это моя точка зрения».

И, действительно, как часто мы, утверждаясь в чем-либо, приобретая свою жизненную позицию, перестаем замечать, что одновременно с этим ограничиваем горизонт других возможностей, иных, не менее продуктивных подходов и решений: ведь выбрать – значит исключить! Как часто мы не признаем другого пути – только единственный, свой, и совершенно не понимаем, не представляем себе, что кто-то тоже, может быть, по-своему прав: для нас аксиома, что только мы можем учить, а другие – учиться у нас.

Но почему, наставляя других, мы не вразумляем самих себя? Почему, навязывая кому бы то ни было вероучение, которое он в глубине души не признает, мы не понимаем, что это не только противоестественно, но и абсурдно? Всякое насильственное рекрутирование сторонников определенного мировидения порождает лишь лжеверующих – не об этом ли вопиет весь печальный опыт далекого и недавнего прошлого?

Без энтузиазма, совсем не так, как прежде, я вступаю теперь на путь открытой полемики. И нетерпимый собеседник (а им бывает каждый из нас) – это человек, ведомый несчастной звездой. Нет ничего более чуждого нашему безграничному фанатизму, нежели компромисс. И не потому ли Себастьян Кастеллио – современник Эразма Роттердамского – в трактате, посвященном искусству сомнений, заметил, как трудно вести диалог с тем, кому неведома многомерность или многозначность каждой или практически каждой земной истины.

Вы, конечно, обратили внимание – практически каждой!

А что уж говорить о вечных философских вопросах культуры, которым посвящена бессмертная трагедия Гете? Пусть каждый трактует, любит и ценит ее по-своему. А для меня эта книга навсегда останется откровением о бытии, о бесконечной устремленности духа к постижению смысла человеческой жизни.

Между Богом и Чёртом (мнение читателя)

Красивый красный кофейник стоял на столе, кофе был разлит в красивые красные чашки. За столом неторопливо беседовали два человека.

– В чем-то вы, наверное, правы, – говорил Евгений Георгиевич, – но по основным позициям я все-таки не могу согласиться. Поймите, Фаусту я отдал большую часть жизни, и взглядов своих так просто не меняю.

– А может, это вовсе и не профессор Гуренко сейчас со мной разговаривает, – думал я, разглядывая, как незаметно улетучивается ароматный дымок над кофейником. – А если это не Гуренко, то кто?

Тут мне стало страшно. Я живо представил себя доктором Фаустом, как тот мечется, пытаюсь постичь то, что постичь невозможно, и в конце концов вступает в рискованную сделку.

Вот об этом бы написать, но не получится!

– Почему же не получится? – улыбается Гуренко. – Вы попробуйте.

– Откуда он знает, о чем я подумал? Он читает мои мысли! – мне становится совсем страшно. Холодная испарина выступает на лбу.

Фаусту тоже однажды становится страшно. Он мучается от внутреннего беспокойства. Он во всем крайне неуравновешен и противоречив. Ему досаждают рутинная, косность, ханжество, лицемерие и мораль общества. Он не знает, как от всего этого избавиться, и мечется по своей комнате, как зверь, посаженный в клетку.

Что же изводит Фауста, почему он такой?

Его изводит одна догадка. Он прожил уже много лет. Стал солидным ученым – магистром наук, доктором. Но вдруг понимает: все, что он изучил, – вздор. И этим вздором он понапрасну забивал свою голову и «водил за нос учеников». Это действительно страшно. Столько сил, столько лет истрачено впустую, а ты – «был и остался дураком».

Фауст находит выход. Когда подумаешь, какую задачу он перед собой ставит, голова идет кругом: «познать достижения естественных и оккультных наук, постигнуть догматы христианской веры, самые дерзкие проявления язычества и богохульства, изведать всевозможные виды наслаждений, все мыслимые и немыслимые пороки, пережить безумства любви, ненависть и предательство, возвыситься до идеала красоты и стать обладателем Елены Прекрасной, пройти испытание властью, богатством и славой, преодолеть пределы пространства и времени, побывать в разных эпохах и самых экзотических странах, проникнуть в глубины земли, где рождаются первообразы всех вещей, стать носителем совокупного опыта человечества».

Возможно ли это простому смертному? Нет, невозможно. Никто из нас не в состоянии разом охватить прошлое, будущее и настоящее человеческого бытия. Наверное, только Бог способен на это. Но Фауст – не Бог, однако, судя по целям, стремится к Нему приблизиться, стать подобным.

За это он и наказан, а не за то, что связался с Чёртом. Между Чёртом и Богом находится Маргарита. На мой взгляд, Евгений Георгиевич умышленно поместил описание ее образа именно в этом месте статьи. Маргарита уходит от Чёрта и тянется к Богу.

В первом случае она сродни доктору Фаусту. Так же как Фауст готов на все ради безграничного знания, так и Маргарита готова на все ради безграничной любви.

А любовь – это ведь тоже знание. Не зря же в Библии высший акт любви обозначают словом «познать». Поскольку любовь «безграничная», то она нарушает чьи-то границы, делает кого-то несчастным. Так оно и происходит: Маргарита убивает своего ребенка, из-за нее гибнет брат и прочее. Однако, в отличие от Фауста, Маргарита преодолевает искушение и раскаивается (то есть преодолевает в себе Каина – первого братоубийцу в истории рода людского, если опять же вспомнить Библию).

А что же Чёрт и почему статья называется «“Ошибка” доктора Фауста»?

Е. Г. Гуренко не дает на это прямого ответа. Дескать понимай как хочешь: то ли ошибся Фауст в том, что связался с Нечистым, то ли нет. Но как бы мимоходом в тексте приводится буквальное значение имени Мефистофель – разрушитель и обманщик. Разрушитель чего? Личности. Посредством чего? Обмана. А в чем суть этого обмана? Черт пообещал то, что заведомо не мог выполнить. Ну не мог Черт дать Фаусту абсолютно все, поскольку сам был лишь «часть силы той...»

Часть – не целое!

Михаил ХЕНКИН